УДК 327

Михаил НОСОВ

ЕАЭС И ЕС В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Статья вторая¹

Статья поступила в редакцию 19.10.2020

Аннотация. В статье проанализированы отношения между ЕАЭС и ЕС и китайским проектом «Один пояс – один путь» (ОПОП). Для Казахстана и Киргизии, входящих в ЕАЭС, проект предлагает возможности укрепления экономических связей с КНР, однако создает определенные предпосылки для роста политического и экономического влияния Китая в Центральной Азии. Участие Евросоюза в ОПОП пока ограничено активным стремлением Пекина вовлечь в него не только страны Центральной и Восточной Европы, но и основные государства ЕС. В заключении рассмотрены итоги семи лет существования проекта и перспективы развития российской политики и экономики в условиях, сложившихся в мире с началом пандемии коронавируса. За годы своего существования ОПОП вышел далеко за рамки транспортной основы, превратившись в глобальную интеграционную программу, в контексте которой КНР не только обеспечивает высокие темпы роста своей экономики, но и укрепляет выгодные позиции в гонке за мировое лидерство. Географически программа вышла за границы евроазиатского Шелкового пути, охватив страны Латинской Америки и Африки. Участие России в ОПОП пока ограничено политическими декларациями и отсутствием реального экономического взаимодействия с Китаем.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕС, Россия, Китай, ОПОП, торговля, инвестиции.

ЕАЭС и ОПОП

С момента создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) одной из важнейших его официальных целей было провозглашено «сопряжение между ЕАЭС и китайским проектом ОПОП». В мае 2015 г. в Москве президент В. Путин и

¹ Носов М.Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь». Статья первая. Современная Европа № 5, 2020. С. 33–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520203345>

председатель КНР Си Цзиньпин приняли Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути»¹. В октябре того же года на пленарном заседании дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи В. Путин также заявил, что «одной из несущих опор “Большой Евразии” призвано стать сопряжение проекта ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь».

В октябре 2019 г. вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Договор, по признанию руководства ЕАЭС, носит не преференциальный характер, и является скорее соглашением о намерениях, нежели полноценным документом о свободной торговле. По словам министра Евразийской экономической комиссии В. Никишиной, «Соглашение, с одной стороны, создает качественную правовую базу нашего торгово-экономического взаимодействия по широкому кругу вопросов». С другой стороны, оно «не предусматривает снижения пошлин». «Иными словами, – отметила Никишина, – это не соглашение “под готовые проекты”. Это документ для формирования и развития новых проектов, которые могут принести выгоды не только его сторонам, но и иметь положительный эффект на весь регион»². Интересно, что в список двадцати соглашений о свободной торговле, заключенных Китаем на март 2020 г., договор между ЕАЭС и КНР включен не был. Отсутствует он и в списке тринадцати стран и организаций, с которыми Китай ведет переговоры о свободной торговле³, хотя страны ЕАЭС, за исключением России, на март 2020 г. подписали с Пекином соглашения об участии в ОПОП⁴.

В то же время в ЕАЭС только РФ играет существенную роль во внешней торговле Китая. В 2019 г. доля стран союза в экспорте КНР составила 2,8% (доля России – 2%), а в импорте 3,4% (доля России – 2,9%). В экспорте Китая в ЕАЭС на Россию и Казахстан в 2019 г. пришлось 88,2%, в импорте 97,9%. Статистика торговли Китая со странами Союза за годы существования проекта ОПОП демонстрирует, что китайский экспорт практически остался на прежнем уровне, а импорт вырос в основном за счет российского минерального топлива. Поставки нефти и газа из России за этот период выросли с 26,9 до 41,8 млрд долл. За этот же период резко уменьшился китайский импорт из Казахстана в силу сокращения экспорта в Китай минерального топлива – с 8,9 до 2,8 млрд долл. В целом экспорт стран ЕАЭС с 2013 по 2019 гг. сократился на 142,3 млрд долл., а импорт – на 91,5 млрд долл.⁵

Основными получателями китайских инвестиций в страны союза за годы действия китайского проекта ОПОП являются Казахстан и Россия. Накопленные ПИИ Казахстана на апрель 2020 г. составили 157,5 млрд долл., из которых 59,8 млрд долл. пришлось на Нидерланды, 37,1 млрд долл. – на США, 13,3 млрд долл. – на

¹ Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». 08.05.2015. Kremlin.ru

² Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР вступило в силу. 25.10.2019. Eurasiancommission.org

³ China FTA Network, 5.06.2020. Fta.mofcom.gov.cn

⁴ Countries of the Belt and Road Initiative. Green-bri.org

⁵ Trademap.org

Францию, 6,7 млрд долл. – на Китай и 4,9 млрд долл. – на Россию¹. На январь 2020 г. накопленные ПИИ в России составили 585,8 млрд долл., из которых на Китай пришлось 3,7 млрд долл.² На первое января 2019 г. накопленные ПИИ Белоруссии составили 11,6 млрд долл., доля Китая – 634,9 млн долл.³, накопленные ПИИ Армении составили 4,2 млрд долл., доля Китая – 3,1 млн долл.⁴, накопленные ПИИ Киргизии составили 1,1 млрд долл., на Китай пришлось 80% – 876 млн долл.⁵. Пекин охотно использовал сложности в отношениях между Россией и Белоруссией в своих интересах. 20 декабря 2019 г. Китай предоставил Белоруссии кредит на сумму более 500 млн долл., что было сделано после того, как Москва и Минск не смогли договориться о предоставлении Белоруссии кредита в 600 млн долл.⁶ Отказ Минска от российского кредита был обоснован его «политической мотивацией». Как заявил министр финансов Белоруссии Максим Ермолович, «Минск не видит необходимости в получении политически обусловленных займов»⁷.

Пекин уделяет большое внимание развитию отношений со странами Центральной Азии. В 2013 г. председатель Си Цзиньпин посетил Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Киргизию, подписав с этими странами соглашения о стратегическом партнерстве. В ЕАЭС вторым после России партнером Китая в рамках ОПОП является Казахстан, ставший лидером в реализации транспортной составляющей проекта.

На тринадцатом заседании глав правительств ШОС в Астане в декабре 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что «Казахстан рассматривается в качестве главного звена будущей евроазиатской трансконтинентальной транзитной магистрали»⁸. Через республику проходит пять железнодорожных и шесть автомобильных международных транспортных коридоров, позволяющих обеспечить сухопутную доставку товаров по маршруту Китай-Европа-Китай. Сегодня в этом маршруте пять транспортных коридоров, три из которых проходят через Россию⁹.

За годы действия проекта ОПОП в Казахстане было построено более 1300 км дорог. Завершено строительство железнодорожного и автомобильного пограничного перехода Алтынколь – Хоргос на границе с Китаем с пропускной способностью

¹ Kazakhstan in figures. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Committee on Statistics, Nur-Sultan 2020, p. 17.

² Direct Investment in the RF. 28.05.2020. Cbr.ru.

³ Отдельные статистические показатели деятельности организаций Республики Беларусь, созданных с участием иностранных юридических и физических лиц. Национальный статистический комитет РБ. Минск, 2019. С. 16–17.

⁴ Статистический комитет Республики Армения. Armstat.am

⁵ Кыргызстан. Краткий статистический справочник. Бишкек, 2020. С. 42.

⁶ Беларусь получила китайский кредит. 20.12.2019. Naviny.belsat.eu

⁷ Фаляхов Рустем. Ни кредитов, ни нефти: Белоруссия отвернулась от России. 25.10.2019. Gazeta.ru.

⁸ Premier Li attends 13th prime ministers' meeting of SCO. URL: http://en.ce.cn/main/latest/201412/15/t20141215_4126509.shtml (дата обращения: 20.11.2020)

⁹ Перевозки по территории Казахстана в основном осуществляются автомобильным транспортом. В 2019 г. было перевезено 4223 млн т, из которых на железную дорогу пришлось 9,4%, на автомобильный транспорт – 84,1%. Kazakhstan in figures..., p. 17.

до 20 млн тонн грузов в год. Поскольку для приграничных с Казахстаном регионов КНР прямой железнодорожный путь в Европу удобнее морского маршрута, все транзитные перевозки из Китая через Казахстан субсидирует китайское правительство «с целью устранения разницы между перевозкой по сухопутному маршруту через Казахстан и традиционным морским маршрутом»¹.

Объективно в этих странах идет как процесс ослабления российского влияния, так и эрозии интеграционных основ ЕАЭС. Россия, объявившая о «стратегическом союзе с Китаем», пока не поднимает вопрос о конкурентной борьбе за экономику Центральной Азии, тем более что экономические возможности партнера значительно превосходят потенциал Москвы. Проблемы влияния России и Китая вызывают беспокойство прежде всего в Казахстане и Киргизии. Если говорить о российском влиянии, то в первую очередь это связано с доминирующей ролью Москвы в ЕАЭС. И в Нур-Султане, и в Бишкеке с настороженностью относятся к идее возрождения советской империи. Как заявил Н. Назарбаев, «ЕАЭС – исключительно экономический союз, а не политический: все страны-участницы имеют равный голос, все будет решаться путем консенсуса. К тому же у Казахстана всегда остается право выхода из этого союза, если появится угроза его независимости»².

Платой за это становится их все большая финансовая зависимость от КНР. Получаемые ими кредиты, как правило, предоставляются из расчета 5,5% годовых, причем с условием, что половина предоставленных средств должна быть истрачена на закупки у китайских компаний. Казахстан в 2019 г. задолжал Китаю 11 млрд долл. По словам министра финансов РК, «государство должно Китаю лишь 1,2 млрд долл., а остальное – задолженности частных компаний перед китайскими банками и компаниями»³.

Киргизия, чьи доходы в значительной степени зависят от 2,4 млрд долл., получаемых от работающих в России трудовых мигрантов, все глубже погружается в финансовую зависимость от Пекина. Республика попала в «красную зону» стран, которым угрожает долговая зависимость от КНР. В 2019 г. долг Киргизии Китаю составил 1,7 млрд долл. из 3,7 млрд общего внешнего долга страны⁴. В отличие от России, Турции и Германии, КНР не собирается прощать ее долг, о чем в достаточно жесткой форме заявил посол Китая в Бишкеке Сяо Цинхуа. По словам дипломата, «у Бишкека нет иного выхода, кроме того как погасить свои долги в ближайшей перспективе»⁵.

Развивая свои политические и экономические связи с Казахстаном и Киргизией, Китай усиливает влияние в регионе. В то же время в Синьцзяне проживают уйгуры и другие тюркоязычные народы, чей национализм встречает не слишком толерант-

¹ Стратегия развития АО Национальная Компания «Казахстан Темір Жолы» до 2029 г. Нур-Султан, 2019. С. 11.

² Интервью Президента РК Агентству «Хабар». Размышления у подножья Улытау. 24.08.2014. Zakon.kz

³ Тусупбеков А. Казахстан должен Китаю 11 млрд долл., но не находится в «красной зоне». Международные ведомости. 24.11.2019. Kazvedomosti.kz

⁴ Внешний долг Киргизии составляет более 85% от суммы госдолга. 11.04.2019. Regnum.ru

⁵ Бейшенбеков К., Толканов Б. Чем грозит долг перед Китаем – о судьбах стран, бравших кредиты у КНР. 12.06.2018. URL: <https://sputnikne.ws/h94f> (дата обращения: 20.11.2020)

ное отношение со стороны Пекина. Беспокойство в приграничных странах Центральной Азии вызывает и положение казахов и киргизов в Китае.

ЕС – ОПОП

С момента появления китайского проекта ОПОП в 2013 г. руководство Европейского союза заняло осторожную, если не сказать двойственную, позицию по вопросу о собственном участии в этой инициативе. Как сформулировала отношение ЕС к китайскому проекту заместитель директора транспортного директората ЕС Майя Марчич, «ОПОП — это китайский проект и ЕС в нем не участвует, но и не является просто сторонним наблюдателем. Еврокомиссия следит за тем, чтобы ОПОП не противоречил интересам и ценностям ЕС»¹. Подобная позиция отражает как стремление Европы развивать отношения с Пекином, так и страх перед растущей глобальной мощью коммунистического Китая.

ЕС и США остаются крупнейшими торговыми партнерами КНР, на которых в 2019 г. соответственно пришлось 17,1 и 16,8% экспорта, и 13,4 и 5,95% импорта. В импорте ЕС на Китай приходится 8,97%, а в экспорте 3,9%².

Развитие глобальной торговли требует надежных и, главное, быстрых путей доставки товаров. Строительство инфраструктуры вдоль новых транспортных артерий потенциально создает значительное число рабочих мест и привлекает инвестиции. Но вместе с тем в Европе опасаются, что ОПОП может оказаться дорогой в одну сторону. Как говорилось в докладе двадцати семи послов ЕС в Пекине³, китайский проект «противоречит повестке дня Евросоюза по либерализации торговли и может изменить баланс сил в пользу субсидируемых Китаем компаний»⁴. В ответ Си Цзиньпин заявил, что «“проект Шелковый путь” не является заговором, как считают многие за рубежом, и Китай не намерен играть в геополитические игры в собственных интересах»⁵.

Определенные опасения в Брюсселе вызывают и попытки Пекина приобрести контроль над стратегически важными объектами в Европе. В принципе, ЕС заинтересован в привлечении китайских средств для реконструкции портов, но в силу того, что 70% внешнеторгового оборота ЕС проходит через десять европейских портов⁶, они стратегически важны для экономики Европы. Основные получатели китайских инвестиций в ЕС – Германия и Франция – провели в жизнь меры по ограничению доступа инвесторов к чувствительным технологиям и покупке управляющего пакета акций. Практически все страны Евросоюза в 2017–2019 гг. пересмотрели инвестиционное законодательство в сторону ужесточения требований к обеспечению безопасности и страны, и собственного рынка. В 2018 г. ЕС принял новую

¹ EU Commission: “The BRI initiative is a Chinese project”. 18.09.2016. Railfreight.com

² Trademap.org

³ Доклад не подписал посол Венгрии в Пекине.

⁴ Saarela A. A new era in EU-China relations: more wide-ranging strategic cooperation? European Parliament. Europarl.europa.eu

⁵ Handelsblatt.17.04.2018. Global.handelsblatt.com

⁶ Роттердам, Бремерхафен, Гамбург, Антверпен, Филадельфия, Гавр, Валенсия, Альхесирас, Пирей, Джоза-Тауро.

процедуру рассмотрения инвестиционных предложений с точки зрения безопасности стран-реципиентов. В результате накопленные инвестиции Китая в ЕС в 2018 г. сократились более чем вдвое по сравнению с 2016 г.¹

С экономической точки зрения, в Брюсселе не видят особых выгод от участия в ОПОП. В сентябре 2018 г. Еврокомиссия опубликовала собственное видение интеграционной политики в Азии. Документ «Соединяя Европу и Азию – построение элементов стратегии ЕС» был опубликован накануне встречи АСЕМ в октябре 2018 г. На пресс-конференции в сентябре, посвященной этому плану, большинство вопросов касались сопряжения европейского плана и китайской инициативы, хотя ОПОП ни разу не был упомянут ни в самом документе, ни в выступлении Ф. Могерини. На вопрос, почему европейская инициатива появилась на шесть лет позже китайского предложения, Могерини ответила, что «европейская программа не является ни негативной, ни позитивной реакцией на другие инициативы. Я не устану повторять и объяснять, что календарь принимаемых нами решений, заявлений, которые мы делаем, предлагаемые нами стратегии, консенсус, которого мы добиваемся внутри Союза, не основан на календаре, определяемом где-либо, будь это Пекин, Вашингтон, Москва или Тимбукту»².

До марта 2019 г. страны ЕС, участвующие в ОПОП, можно было разделить на две группы. В первой были крупные национальные экономики, относившиеся к проекту с очевидной настороженностью, во второй – малые страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Китай в своей политике продвижения проекта ОПОП исходит из понимания и использования экономических и социальных проблем ЕС в рамках разделения Европы на старых и новых членов ЕС.

Осторожность «старой Европы» определяется как ростом глобального политического и экономического влияния Китая, так и конкретными проявлениями китайской политики в рамках ОПОП. В ЕС вызывает опасение финансирование китайских проектов за счет займов, а не помощи, что ведет к росту задолженности стран-реципиентов и переходу построенных объектов в китайскую собственность³. Во время своего визита в КНР президент Франции Э. Макрон заявил, что «этот путь не должен стать дорогой к новой гегемонии»⁴. Тревогу в ЕС вызывает и имплементация проекта ОПОП в Африке и в странах Юго-Восточной Азии, где его реализация происходит в основном за счет использования китайских государственных компаний и китайской рабочей силы, что усиливает конкурентоспособность Пекина.

Озабоченность Евросоюза воздействием ОПОП на глобальную политику прежде всего связана с попытками Китая укрепить свои позиции в мире и упрочить связи со странами ЦВЕ, чьи отношения с руководством ЕС складываются далеко не всегда так, как хотелось бы Брюсселю. При этом основные транспортные проекты Шелкового пути в Европе расположены на территории ЦВЕ и Балкан.

¹ Hanemann T., Huotari M., Kratz A. Chinese FDI in Europe: 2018 Trends and Impact of New Screening Policies, Rhodium Group & Mercator Institute for China Studies. Berlin, 2019.

² Peel M. Europe unveils its answer to China's BRI plan. Financial Times. 19.09.2018.

³ Черногория получила заем от Китая на строительство автодороги между портом Бар и Сербией, что привело к значительному росту задолженности Черногории, составляющей 80% от ВВП.

⁴ China's BRI & Europe's Response. 19.01.2019. Beltandroad.news

Учитывая осторожное отношение первой группы к проекту ОПОП, Китай выбрал тактику укрепления связей с новыми странами–членами ЕС и кандидатами на вступление в Союз, как правило остро заинтересованными в развитии инфраструктуры, но не имеющих достаточных финансовых ресурсов. Программа сотрудничества между Китаем и этими странами была начата по инициативе Пекина за год до появления программы ОПОП. В 2012 г. в Варшаве премьер-министр КНР провел встречу с руководством стран Центральной и Восточной Европы, на которой была создана группа 16+1, в которую вошли Китай, одиннадцать стран ЦВЕ – членов ЕС и пять балканских стран, кандидатов на вступление в Европейский союз. С тех пор эти страны проводят ежегодные саммиты, последний из которых состоялся в апреле 2019 г. в хорватском Дубровнике. Во встрече участвовала и Греция, формально присоединившаяся к группе, ставшей теперь 17+1.

В своей политике в отношении этих стран особое внимание Китай уделил Балканам, на которые за период с 2013 по 2019 гг. суммарно пришлось более половины всех инвестиций в группу 17+1¹. Связано это, в первую очередь, с намерением Китая укрепить возможности морского Шелкового пути в Средиземноморье, вложив средства в порты и их инфраструктуру.

Первая группа, как уже отмечалось, за некоторым исключением, избегает формального присоединения к ОПОП, хотя и участвует в отдельных китайских инициативах. Практически все страны ЕС в 2015 г. стали членами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ, Asian Infrastructure Investment Bank), главной задачей которого является финансирование этого проекта. Представители большинства стран Европейского союза принимали участие в двух форумах ОПОП – в мае 2017 г. и апреле 2019 г. Во втором форуме приняли участие первые лица Кипра, Чехии, Португалии, Австрии, Греции и Венгрии, а также премьер-министр Италии. Китай серьезно заинтересован в вовлечении стран ЕС в проект и в привлечении европейских инвестиций.

Участие премьер-министра Италии Джузеппе Конти и президента Греции Алексиса Ципраса в Пекинском форуме не было случайным. В марте того же года Италия стала первой и пока единственной страной G7 – участником китайского проекта. Она заключила с КНР соглашение о десяти проектах на сумму около 20 млрд евро. Китай будет принимать участие в модернизации итальянских портов Генуя, Палермо, Равенна и Триест и обещает расширить доступ итальянских товаров на свой внутренний рынок. Заинтересованность Италии в расширении сотрудничества с Китаем во многом была связана со сложностями экономической ситуации. Размер итальянского государственного долга составляет 130% ВВП², и по этому показателю республика занимает второе место в ЕС после Греции. Хотя подписанное главами Италии и Китая соглашение об участии Рима в ОПОП «не имеет обязательной силы» (non-binding), оно вызвало резкую критику как в Брюсселе, так и в Вашингтоне.

Другим «слабым звеном» сопротивления ЕС китайскому экономическому наступлению стала Греция, чей внешний долг в 2019 г. составил более 450 млрд ев-

¹ Подсчитано по данным: China Global Investment Tracker. Aei.org

² Старцев С. Размер госдолга Италии достиг исторического максимума. РИА Новости. 17.06.2019.

ро¹. В 2016 г. греческий порт Пирей фактически попал под контроль китайской судовой компании COSCO, купившей 51% акций порта у греческого приватизационного агентства за 312,5 млн долл.² В перспективе КНР собирается принять участие в модернизации порта и в строительстве железной дороги Пирей – Скопье – Белград – Будапешт, конечный участок которой уже строится. При этом финансовая зависимость от Китая создает условия для отхода стран группы от генеральной политики Евросоюза. Достаточно вспомнить, как посол Венгрии в Пекине не подписал упоминавшееся заявление послов ЕС с критикой китайского проекта, а Греция в 2017 г. наложила вето на заявление ЕС, критикующее политику КНР в вопросе о правах человека. Годом раньше Венгрия и Греция отказались присоединиться к заявлению Союза, осуждающему политику Китая в Южно-Китайском море.

В марте 2019 г. Европейская комиссия совместно с высоким представителем по иностранным делам и политике безопасности подготовила доклад «ЕС – Китай: в контексте стратегии», где КНР была названа «системным противником». Особо подчеркнуто, что «ни ЕС, ни кто-либо из государств-членов не сможет достичь своих целей в отношении Китая без *полного единства*. Во взаимоотношениях с КНР *все государства-члены по отдельности, либо в рамках субрегионального сотрудничества*, такого как формат 16+1, должны следовать законам ЕС, его правилам и политике» (выделено авторами доклада)³.

Состоявшийся 14 сентября 2020 г. в формате видеоконференции саммит ЕС–Китай фактически закончился безрезультатно: не было подписано совместное коммюнике, а в ходе переговоров стороны обменялись взаимными упреками. Президент Европейского совета Шарль Мишель призвал Пекин открыть свои рынки, уважать права меньшинств и отказаться от насилия в Гонконге. В ответ председатель Си Цзиньпин сказал, что «китайский народ не потерпит “инструкторов” по вопросам прав человека и выступает против двойных стандартов»⁴. Однако ставший традиционным обмен взаимными претензиями не мешает обеим сторонам сохранять уровень экономических отношений, объем которых составляет более миллиарда евро в день.

Некоторые итоги семи лет проекта ОПОП

Китайский проект ОПОП, несмотря на все трудности и противоречия, работает и решает проблемы, поставленные перед ним руководством страны. КНР медленно, но успешно закрепляется на позициях, которые он отвоевывает у своих конкурентов. Пандемия замедлила рост китайской экономики, но на фоне глобального спада Пекин, скорее всего, сохранит свои лидирующие позиции. В прогнозах Всемирного банка экономическая ситуация в Китае выглядит менее оптимистично, однако не-

¹ Greece Total Gross External Debt 2013–2019. Tradingeconomics.com

² Georgiopoulos G. China's COSCO acquires 51 pct stake in Greece's Piraeus Port. 10.08.2016. Reuters.com

³ Joint Communication to the European Parliament. The European Council and the Council. EU-China. A strategic outlook. Strasburg. 12.3.2019.

⁴ Blenkinsop P., Emmott R. Tear down your barriers, EU says after summit with China's Xi. Reuters Business News. 09.14.2020. Uk.reuters.com

которые эксперты продолжают оценивать рост китайской экономики в 2021–2022 гг. в 4–6%¹.

По китайским оценкам, на конец 2019 г. соглашение об участии в проекте подписали 34 страны в Европе и Центральной Азии, включая 18 стран ЕС, 25 стран Восточной Азии, 38 стран Африки южнее Сахары, 17 стран Ближнего Востока и Северной Африки, 18 стран Латинской Америки, 6 стран Южной Азии – всего 138 государств². Формальным присоединением к проекту считается заключение с Китаем Соглашения о намерениях (MoU)³. Китай планирует затратить на создание транспортных, энергетических и телекоммуникационных структур, объединяющих Европу, Африку и Азию, от 4 до 8 трлн долл.⁴ Первоначально проект финансировал Фонд ОПОП, предоставивший 40 млрд долл., и Банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ-АПВ), выделивший 50 млрд долл.⁵

За период с 2013 по 2019 гг. китайские затраты на проекты в странах, участвующих в ОПОП, по американским оценкам, составили 730 млрд долл., из которых 283,3 млрд было направлено в энергетические проекты и еще 188,5 млрд – на строительство транспортной инфраструктуры⁶. Основные строительные проекты Китая в рамках ОПОП осуществляются в Пакистане, Бангладеш, Малайзии, Индонезии, Иране, ОАЭ, Саудовской Аравии, Алжире, Нигерии и Эфиопии. Расходы на эти страны составили 281,5 млрд долл., или 34% от общих расходов на проведение строительных работ по проекту ОПОП⁷. За этот период Китай продолжал инвестировать значительные средства в США и в страны ЕС, и, по сравнению с периодом с 2005 по 2012 гг., почти в два раза выросли инвестиции в Южную Америку, более чем в два раза – в Восточную Азию.

Две главные части китайского проекта – это Экономический пояс Шелкового пути, соединяющий КНР со странами Центральной и Южной Азии с выходом на Европу, и новый морской Шелковый путь, объединяющий Китай с государствами ЮВА, странами Персидского залива и Северной Африки, опять же с выходом на Европу – одного из важнейших экономических партнеров Китая, а также на Латинскую Америку. По данным американского Центра стратегических и международ-

¹ Huileng T. Analysts are cutting their China GDP forecasts amid coronavirus outbreak. 05.02.2020. Cnbc.com

² Green Belt and Road Initiative Center/ International Institute for Green Finance. Central University for Finance and Economics, Beijing, March 2020. Ens.cufe.edu.cn

³ Пока не участвуют в проекте: в Европе – Германия, Франция, Великобритания, страны Бенилюкс, Испания, скандинавские страны; в Америке – США, Канада, Мексика, Бразилия, Аргентина, Колумбия и Парагвай; в Азии – Индия; в Африке – Конго, Ботсвана, Нигер и Бенин; не участвует Австралия.

⁴ Balding C. Can China Afford Its Belt and Road? Bloomberg Opinion. 17.05.2017. URL: bloomberg.com/view/articles/2017-05/can-china-afford-its-belt-and-road (дата обращения: 20.11.2020)

⁵ Heydarian R. China Silk Road Project: A Trap or Opportunity? URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2017/05/china-silk-road-project-trap-opportunity-17051412652061.html> (дата обращения: 20.11.2020)

⁶ China Global Investment Tracker. American Enterprise Institute.

⁷ Scissors D. China's Global Investment in 2019: Going Out Goes Small? January 2020. Aei.org

ных исследований (CSIS), в Восточной Европе и в Азии в рамках ОПОП существует 152 транспортных проекта [Reed, 2019]. Число китайских строительных компаний, входящих в 500 крупнейших по списку «Форбс», за период с 2000 по 2017 гг. выросло с 10 до 107, из которых 75 были государственными¹, что естественно создает Китаю более выгодные условия при заключении контрактов и их финансировании. На январь 2020 г. КНР заключила двадцать соглашений о свободной торговле (ФТА), включая соглашения с Австралией, Новой Зеландией, Республикой Корея, рядом стран Латинской Америки. В ноябре 2020 г. Китай после восьми лет переговоров добился создания экономического объединения Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (Regional Comprehensive Economic Partnership – RCEP). Кроме Китая и стран АСЕАН, в организацию вошли Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. Объединение должно стать крупнейшим в мире свободным рынком.

За два десятилетия XXI века Китай превратился в мировую инвестиционную державу. Несмотря на свое «коммунистическое настоящее», Китай создал все условия для привлечения иностранных инвестиций. В 1991 г. накопленные ПИИ в КНР составили 25,1 млрд долл., в 2000 г. они выросли до 193,3 млрд долл., а в начале 2019 г. до 1627,7 млрд долл., что составило 5% мировых инвестиций. А если учесть ПИИ, вкладываемые еще и в Гонконг, то эта сумма доходит до 11,2%. Объем полученных Китаем инвестиций сопоставим с ПИИ, полученными США – 23,1% и странами ЕС – 31%. Китай все больше становится инвестиционным донором, чему в значительной степени способствовал проект ОПОП. С 2013 по 2019 гг. накопленные китайские иностранные инвестиции за рубежом выросли с 660,5 млрд долл. до 1938,9 млрд долл.²

Анализ китайских инвестиционных потоков свидетельствует о двух тенденциях. Во-первых, основной объект китайских ПИИ – участники проекта ОПОП. С 2013 по 2019 гг. в эти страны направлено более 50% инвестиций. Во-вторых, общий объем китайских зарубежных инвестиций сокращается. С 2016 по 2019 гг. он уменьшился с 250 до 124 млрд долл., что свидетельствует как об определенных трудностях в реализации стремлений Пекина получить контроль над жизненно важными объектами в странах-донорах, так и об озабоченности последних ростом долговых обязательств перед Китаем. Проекты в странах ОПОП осуществляются на коммерческой основе, условия которой, как правило, не разглашаются. Тендеры на проекты не объявляются, а условия возврата денег неизвестны. Согласно исследованию вашингтонского Центра глобального развития, «из 68 стран, участвующих в ОПОП, 23 имеют кредитный рынок ниже инвестиционного, а Джибути, Киргизия, Лаос, Мальдивы, Монголия, Пакистан, Таджикистан и Черногория находятся в зоне риска» [Hurley, 2018].

Значительную экономическую роль в китайском проекте играют и доходы от предоставляемых странам проекта кредитов и инвестиций, часто ведущих к долговой зависимости стран-реципиентов от КНР [Bandiera, 2019]. Учитывая, что Китай превратился в крупнейшего финансового донора для развивающихся стран, 15 из

¹ “Top 250 Global Contractors” Engineering News-Record. August 2017. URL: <http://www.enr.com/toplist/2017-Top-250-Global-Contractors-1> (дата обращения: 20.11.2020)

² Worldbank. UNCTAD World Investment Report (2019).

68 стран-партнеров ОПОП ощущают давление долговой зависимости от КНР, что связано с глобальной рецессией, вызванной коронавирусом [Horn, 2020]. Китайские гранты и торговые кредиты практически с нуля в 1998 г. за двадцать лет выросли до 1,6 трлн долл. [Horn, 2019].

Пекин использует ОПОП и для укрепления своих военных позиций в регионах экономического влияния. В августе 2018 г. министр обороны КНР Вэй Фэнхэ заявил в Пакистане, что его страна «готова представить твердые гарантии безопасности проектам в рамках ОПОП»¹. Завершив строительство дороги Аддис-Абеба – Джибути, Китай в августе 2018 г. открыл на берегу Красного моря свою военно-морскую базу, способную принимать даже авианосцы. Журналисты «Вашингтон пост» обнаружили китайскую военную базу в Таджикистане в районе городка Шаймак в Ваханском коридоре, недалеко от границы с КНР и Афганистаном и вблизи от Пакистана и Кашмира². До этого китайские военно-морские объекты за пределами материка возводились в Южно-Китайском море в районе Парасельских островов и островов Спратли³. Китай активно строит в районе архипелага Спратли искусственные острова, где возводятся аэродромы и базы ВМС.

Целям расширения экономического присутствия Китая в странах, участвующих в проекте, служит и «мягкая сила», включающая в себя такие инструменты, как Институты Конфуция, обеспечивающие популяризацию китайской культуры и китайского языка в мире⁴. Сегодня Китай по количеству аналитических центров занимает второе место в мире после США, обладая 426 официально зарегистрированными мозговыми центрами, из которых около двадцати занимаются Центральной Азией [Izimov, 2015].

В мае 2017 г. во втором Форуме ОПОП в Пекине приняли участие главы 30 государств и представители 110 стран и международных организаций. По словам сотрудника немецкого Института китайских исследований Меркатора (Mercator Institute for Chinese Studies) Томаса Эдера, «важнейшая цель ОПОП – создание более широких законных оснований лидерства Китая и КПК. Престиж страны растет с каждой подписью под меморандумом о взаимопонимании, с появлением каждого главы государства на пышном форуме ОПОП в Пекине. Это дает право председателю Си Цзиньпину заявить соотечественникам, что весь мир одобряет его действия, и что это именно он сделал Китай «центром глобальной политики»⁵. 17 апреля

¹ Huang P. Chinese Defense Minister Meets Pakistani Naval Chief of Staff. China Military Online. 19.04.2018. URL: http://eng.mod.gov.cn/news/2018-04/19/content_4809874.htm (дата обращения: 20.11.2020)

² Shih G. In Central Asia's forbidding highlands, a quiet newcomer: Chinese troops. The Washington Post. 19.02.2019.

³ На Парасельские острова, кроме Китая, претендуют Вьетнам и Тайвань. А на острова Спратли – Вьетнам и Китай. В 1994 г. эти страны приняли решение отложить вопросы суверенитета островов на пятьдесят лет.

⁴ Первый такой институт был открыт в 2004 г. в Сеуле. Сегодня подобные учреждения действуют в 96 странах мира. Только в России открыто более двадцати институтов по изучению китайского языка и культуры. Китай ежегодно выделяет свыше тридцати тысяч правительственных стипендий и приглашает в КНР тысячи преподавателей и студентов.

⁵ Kuo L. BRI Forum: China's project of the century' hits tough times. The Guardian. 25.04.2019.

2019 г. «Жэньмин жибао» объявила, что «ОПОП стал крупнейшим в мире проектом». В то же время масштабы китайского проекта и его двойственность дали повод американскому сотруднику Центра стратегических и международных исследований (CSIS) Джонатану Хиллману назвать ОПОП «на сегодняшний день наиболее известным и наименее понятным»¹ проектом.

Китай и место России в мире

Проект ОПОП наглядно продемонстрировал глобальные цели Китая и его прагматический подход к их реализации. Для России Китай – самый крупный торговый партнер. Но для Китая главными торговыми партнерами остаются США и ЕС. Россия же в 2019 г. была лишь на одиннадцатом месте по объему китайского импорта и на тринадцатом по объему экспорта. В отличие от Китая, сохранившего всю структуру политических и экономических связей с Западом, Россия за этот период до минимума сократила политические отношения с Брюсселем и Вашингтоном. Ее импорт в 2019 г., по сравнению с 2013 г., упал на 71,1 млрд долл., а экспорт – на 104,5 млрд долл.

Российская экономика продолжает находиться под западными санкциями. Оценивая воздействие введенных Западом на российскую экономику ограничений, президент В. Путин сказал: «Да плевать на них, на эти санкции; по разным оценкам мы потеряли где-то пятьдесят миллиардов долларов, но и заработали столько же». Однако не учитывается масштаб потерь для обеих сторон. То, что, по словам президента, «Европа примерно столько же потеряла, по их собственным оценкам»², служит слабым утешением. Для РФ 50 млрд долл. это 1,2% ВВП, для ЕС – всего лишь 0,2%³. В доходной части совокупного бюджета стран ЕС потери от санкций составят в 2020 г. 0,7%, в российском бюджете – 13,7%⁴. В конечном итоге мы теряем намного больше. Западные санкции наносят не только финансовый ущерб российской экономике. Еще большую опасность представляет научно-техническая изоляция России, что может привести к непредсказуемым результатам.

Каждый раз, когда речь заходит о «повороте на Восток» и о «подъеме Дальнего Востока», ставшим с 2013 г. «национальным приоритетом на весь XXI век»⁵, российское руководство говорит о необходимости развития Дальневосточного региона. Регулярно принимаются планы деятельности с громкими названиями вроде Федеральной целевой программы развития Дальнего Востока. Такие программы принимались в апреле 1996 г. – на период до 2018 г., в декабре 2009 г. – до 2025 г., в июне 2019 г. – до 2025 г. с перспективой продления до 2035 г. Однако реализация этих программ упирается, прежде всего, в демографическую проблему, без решения которой невозможно создать новые рабочие места и увеличить производственный потенциал региона.

¹ Hillman J. China's BRI: Five Years Later. 25.01.2018. CSIS Report. URL: csis.org/analysis/chinas-belt-and-road (дата обращения: 20.11.2020)

² 20 вопросов Владимиру Путину. 14 серия. 16.03.2020. Tass.ru

³ World Economic Outlook Database. April 2020. Imf.org

⁴ Main national accounts tax aggregates. 30.06.2020. Appsso.eurostat.ec.europa.eu

⁵ В.В. Путин: подъем Сибири и Дальнего Востока – приоритет РФ на весь XXI век. РИА Новости. 12.12.2013.

Глобальное позиционирование России во многом зависит от ее положения на мировом рынке нефти и газа, на котором она пока сохраняет лидирующие позиции. В 2019 г. в экспорте минерального топлива на РФ пришлось 10,7%¹, а основными его импортерами были ЕС – 27,9%, Китай – 14,6%, и США – 9%. В импорте минерального топлива Китая и ЕС лидирует Россия – соответственно 12,2 и 27,1%. При этом, если потребление энергетического сырья в КНР сохраняет рост, то в ЕС идет процесс сокращения энергетической зависимости от Москвы. Это связано как с причинами политического характера, так и с тенденцией перехода европейских стран к возобновляемым источникам энергии. Использование этих источников в энергетике ЕС с 2000 до 2017 гг. выросло с 5,7 до 13,9%, а в 2030 г. должно составить 32%². Доминированию России на европейском рынке угрожают и рост импорта СПГ странами ЕС, который в 2019 г. вырос на 75% по сравнению с предыдущим годом. В 2019 г. потребность ЕС в газе, по оценке Европейской комиссии, составила 485 млрд куб. м, из них на импорт СПГ пришлось 108 млрд куб. м. В ЕС СПГ уже покрывает около 45% потребности в газе.

В феврале 2007 г. на Мюнхенской конференции по безопасности президент РФ В. Путин выразил несогласие с однополярной моделью мира и заявил, что «Россия всю тысячелетнюю свою историю практически всегда пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику и не собирается изменять этой традиции»³. Сегодня, в 2020 г. можно подвести некоторые итоги политики, курс которой четырнадцать лет назад был объявлен в Мюнхене.

В 2007 г. Россия была членом G8, имела устойчивые и взаимовыгодные отношения с ЕС и США. Сегодня мы фактически находимся во враждебных отношениях с нашими ближайшими соседями – Грузией и Украиной, а отношения с Западом стали перманентно конфронтационными. Анализируя процессы, происходящие на постсоветском пространстве, российские СМИ рассматривают их исключительно как происки Запада, манипулирующего своей агентурой в бывших советских республиках. На деле руководство страны переоценивает возможности западных спецслужб и недооценивает стремление людей к свободе и демократии. Обострение конфликта между Азербайджаном и Арменией неизбежно ставит вопрос о дальнейшей судьбе СНГ, а учитывая происходящее в Закавказье и Киргизии, возможно, и ЕАЭС и ОДКБ, что еще более усложняет ситуацию в постсоветском мире.

Проект ОПОП успешно создал предпосылки для глобальной интеграции КНР в мировое пространство. Россия, в отличие от азиатского Китая, является евроазиатской страной и имеет огромный потенциал для использования возможностей развития связей и с Европой, и с Азией. К сожалению, после 1991 г. РФ не сумела выступить в качестве интегратора ни для стран постсоветского пространства, ни для бывших социалистических стран. В Европе лишь Белоруссия, Абхазия, Южная Осетия и Приднестровская Молдавская Республика пока не заявили о своем намерении дрейфовать в сторону Запада. Практически все бывшие социалистические

¹ На США пришлось 9,7%.

² EU Energy in figures 2019. Luxemburg. P. 26.

³ В.В. Путин. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 10.02.2007. Kremlin.ru

европейские страны присоединились к Западу или декларировали свое желание стать членами ЕС или НАТО.

Несомненно, Россия сохраняет свой статус великой державы и ведущую роль в формирующемся многополярном мире. Опыт Китая достаточно очевидно продемонстрировал, что реализация этой задачи требует, как минимум, прочного экономического потенциала и сохранения взаимовыгодных политических и экономических отношений как с ведущими государствами мира, так и со странами постсоветского пространства.

Список литературы / References

- Bandiera L., Tsiropoulos V. (2019) A Framework to Assess Debt Sustainability and Fiscal Risks under the BRI. World Bank Group. June 2019, p. 33.
- Hanemann T., Huotari M., Kratz A. (2019) Chinese FDI in Europe: 2018 Trends and Impact of New Screening Policies, Rhodium Group & Mercator Institute for China Studies, Berlin.
- Hillman Jonathan. (2018) China's BRI: Five Years Later, January 25, 2018, CSIS Report. URL: <http://csis.org/analysis/chinas-belt-and-road> (accessed: 20.11.2020).
- Horn Sebastian, Reinhart Carmen, Trebesch Christoph. (2020) China's Overseas Lending. Center for Global Development, Note, May 2020.
- Horn S., Reinhart C., Trebesch C. (2019) China's Overseas Lending, National Bureau of Economic Research (NBER). Working Paper 26050, July 2019, Cambridge, MA.
- Hurley J., Morris S. (2018) Portelance Gailyn, Examining the Debt Implications of the BRI from a Policy Perspective, CGD Policy Paper 121, March 4, 2018, pp. 16–19.
- Izimov R. (2015) Chinese Think Tanks and Central Asia. A New Assessment. Voices from Central Asia, No. 23, November 2015, pp. 1–5.
- Reed T., Trubetskoy A. (2019) Assessing the Value of Market Access from Belt and Road Projects (April 11, 2019). World Bank Policy Research Working Paper No. 8815. URL: <https://ssrn.com/abstract=3370646> (accessed: 01.10.2020).

The EU and The EAEU in the Context of BRI: Preliminary Results. Article two

Received 19.10.2020

Author: Nosov M., Corresponding member, Russian Academy of Sciences, principal researcher, Institute of Europe RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** mikhailnosov@mail.ru

Abstract. The article examines complicated interactions between the EU and the EAEU in the context of the Chinese project BRI. For Kazakhstan and Kyrgyzstan, members of the EAEU, the project offers opportunities for strengthening economic ties with China and at the same time it creates certain preconditions for the growth of China's political and economic influence in Central Asia. The EU's engagement with the project is still limited by Beijing's desire to involve not only the countries of Central and Eastern Europe, but also by attempts to expand the BRI's activity to the main EU states. In conclusion, the results of 7 years of the project's existence and the prospects for the development of Russian politics and economy in the context of a global pandemic are analyzed. Over the years, the Chinese BRI project has gone far beyond its transport component, turning into a global integration program, in which China not only ensures the preservation of a high level of economic growth, but also strong positions in the struggle for world leadership. Today BRI is not limited in fact to the Eurasian Silk Road, covering the countries of Latin America and Africa. The Russian participation in this project is limited to political declarations and lacks diversified economic interaction with China.

Keywords: EAEU, EU, Russia, China, BRI, trade, investments.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620201528>